

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. МИКУШ

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СТРУКТУРАЛИЗМА
И СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*

Своевременная инициатива редакции журнала «Вопросы языкознания», решившей начать обсуждение проблем лингвистического структурализма, будет несомненно приветствоваться многими лингвистами. Ведь они далеко не удовлетворены современным положением общего и теоретического языкознания, которое в настоящее время не способно служить фундаментом для частных областей лингвистики и для применения языкознания к потребностям современной жизни.

* От редакции. В связи с обсуждением проблем структурализма на страницах «Вопросов языкознания» югославский языковед Ф. Микунш (Люблина), стоящий на позициях синтагматического структурализма, прислал в редакцию публикуемую нами статью, а также обширное письмо, в котором излагает свои мысли о синтагматике, ее происхождении, современном состоянии и программе на будущее. Материалы этого письма были использованы при составлении настоящего редакционного примечания.

Ф. Микунш в своих работах развивает основные принципы женеvской школы, например, положения о двучленности синтагмы, линейности речи, функциональном характере соотношения языка и речи и т. д. Синтагматику Ф. Микунш считает не одним из возможных направлений в лингвистике, а единственным структуральную теорию, возможную при изучении имманентной структуры речевой деятельности и языка, а также имманентных (грамматических, синтагматических) функций языка и речи. Ф. Микунш считает необходимыми критику так называемой досинтагматической лингвистики и переход всех ее направлений на позиции синтагматического структурализма. По мнению Ф. Микунша, основные принципы синтагматики должны лечь в основу логики, психологии, прикладной лингвистики. Ф. Микунш считает также, что синтагматика может во многом способствовать созданию машин для перевода. Лингвистические взгляды Ф. Микунша изложены им в следующих работах: 1) «Le syntagme est-il binaire?» («Word», vol. 3, № 1—2, 1947, стр. 32—38). В статье выдвигается положение о диалектической природе синтагмы. Критические замечания Фрея по поводу этой статьи Ф. Микунша напечатаны в журнале «Word», vol. 4, № 2, 1948, стр. 65—70; 2) «A propos de la syntagmatique du professeur A. Belić» (Ljubljana, 1952). Основным содержанием этой книги является полемика с положениями, содержащимися в книге А. Белича (А. Belić) «О языковой природе и языковом развитии» (Београд, 1941); 3) «Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?» («Lingua», vol. III, 4, 1953, стр. 430—470). В статье дается ответ на критику А. Фрея и излагаются основные принципы синтагматики; 4) «Edward Sapir et la syntagmatique» («Cahiers F. de Saussure», 11, 1953, стр. 11—30). В статье делается попытка истолковать лингвистическую концепцию Э. Сэпира в свете положений синтагматики; 5) «Jan V. Rozwadowski et le structuralisme syntagmatique» («Lingua», vol. V, 1, 1955, стр. 1—44 и vol. V, 2, 1956, стр. 145—204). В статье излагаются основы так называемой диахронической синтагматики. При этом с точки зрения синтагматического структурализма рассматривается работа Я. Розвадовского «Wortbildung und Wortbedeutung»; 6) статьи «La notion de valeur en linguistique» («Lingua», vol. III, 1, 1952, стр. 98—103) и «Stylistique et économie politique» («Lingua», vol. IV, 1, 1954, стр. 97—98) посвящены вопросам теории ассоциаций. Ф. Микунш подготавливает в настоящее время диссертацию «Principia syntagmaticae de unitate orationis structurae tractanda».

Ф. Микуншем написана также статья «Kako se francoščina prilagaja terminologiji modernih politekonomskih kategorij?» («Ekonomske zbornike Pravno-ekonomske fakultete», Ekonomske oddelke, I letnik, Ljubljana, 1956).

Не может пройти мимо дискуссии и синтагматическая структуральная теория. Несмотря на то, что эта теория возникла совсем недавно и поэтому положение ее еще далеки от окончательных формулировок, мы уже сейчас можем занять определенную позицию по отношению к намечаемой дискуссии и, стремясь принять в ней активное участие, для начала хотя бы вкратце ответить на вопросы, предложенные редакцией «Вопросов языкознания».

1. Лингвистический структурализм, очевидно, представляет собой область лингвистики, объектом изучения которой является имманентная структура речи и лингвистического знака. Поэтому с целью выявления конкретно данных и поддающихся анализу элементов языка структуральная лингвистика занимается прежде всего изучением речевой деятельности в целом. Вместе с Соссюром представители структуральной лингвистики видят в речевой деятельности синтез языка и речи (разве это не структуральный анализ?). Под языком понимается система автоматизированных знаков и приемов, приобретенных в результате практики и непосредственных социальных контактов каждого члена коллектива. Под речью же имеется в виду применение языка; при этом говорящий пользуется автоматизированными приемами, предоставляемыми в его распоряжение языком.

Как я пытался показать в одной из своих работ¹, язык и речь соотносятся между собой главным образом в функциональном плане. Тем самым в лингвистику вводится понятие «функции». Как это основное соотношение, так и все прочие оказываются функциональными. Вот почему синтагматическая теория исходит из примата функций над соотношениями, структурой, элементами, формами и на основе диалектически взаимозависимых и присущих изучаемым предметам функций пытается определить не только язык и речь, но и любую лингвистическую структуру, обнаруженную в результате анализа самих языка и речи.

Структуральный анализ речевой деятельности, расчленяющий ее на язык и речь, позволяет нам, путем дальнейшего исследования, ясно разграничить знак языка и знак речи (при этом имеется в виду, что понятие знака в достаточной мере определено). Под знаком языка мы понимаем автоматизированный и относительно постоянный знак (для функционирования языка постоянно является *conditio sine qua non*). Под знаком речи понимается знак, создаваемый при каждом речевом акте по определенным схемам, в рамках которых, в соответствии с потребностями говорящего, может происходить свободная замена одних знаков языка другими. Эти знаки неустойчивы, так как они разделяются на части тотчас же после прекращения речи (дискурсивность знака речи). В противоположность языку животных сущность человеческого языка и состоит именно в возможности создавать знаки речи во время самой речи, в соответствии с определенными автоматизированными приемами, предписываемыми языком. Поскольку мы говорим о свободном образовании знака речи, следует ввести понятие «структуры». Структура немислима без свободного построения знака речи, так как автоматизированный знак, относительно постоянный и застывший с точки зрения функций и структуры, в принципе неразложим (поддающиеся анализу автоматизированные знаки разлагаются на простые, например, франц. *re-coudre*, *poir-ier* и т. д.). Можно говорить о фонологической структуре этих знаков, но и только. Знаки *maison*, *pierre-ier* (*poir*), *re-coudre* не поддаются никакому другому анализу, кроме фонологического.

¹ См. F. Mikus, *Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?*, стр. 469.

Определив, таким образом, автоматизированный знак, обратимся к дискурсивному знаку и попробуем выявить его структуру. Этот анализ будет также полезен для понимания сущности составного автоматизированного знака (*re-coudre, poir-ier*), так как между знаком языка и знаком речи не существует четкого разграничения. Как первый, так и второй возникают в процессе речевого акта; разница лишь в том, что знак языка впоследствии автоматизируется, а знак речи разделяется на составные части. Какова же структура составных знаков? Когда люди начали размышлять о сущности речи, они заметили, что структура этих знаков двучленна. Однако сначала такую двучленность приписывали случайности, так как она не всегда была вполне очевидна. Синтагматическая теория, напротив, настаивает на этой двучленности и выводит из нее общий принцип структурного синтагматического единства речи. [Любая лингвистическая структура является синтагмой в сосюровском понимании. В моих работах синтагма определяется как структурный тип (ячейка) речи]. Правда, понятие координации долго запутывало эту проблему (ни последователи глоссематики, ни представители пэйльской школы не смогли ее прояснить); на основе же синтагматической теории было обнаружено, что координация по сравнению с синтагматикой представляет собой примитивный «синтаксис» (с функциональной, а возможно, и с генетической точки зрения), подчиненный в настоящее время принципам синтагматики. В терминах синтагматической теории координация определяется как способ соединения синтагматического гомофункциональных знаков¹.

Считая понятие синтагмы достаточно определенным, следует поставить вопрос, чем объясняется ее двучленность. Как я пытался показать в своих работах, двучленная структура синтагмы объясняется ее природой, а именно тем, что она представляет собой диалектическое единство двух частей, выполняющих по отношению друг к другу две взаимозависимые, взаимосвязанные и взаимоопределяемые функции. Таким образом, мы снова оказываемся в сфере функционализма, в данном случае функционализма, свойственного составному знаку (*signe articulé*) («грамматический» функционализм). Этот функционализм определяет не только двойственный характер синтагмы, но и соотношение ее элементов, которое может быть лишь синтагматическим, т. е. связывающим два функционально допол-

¹ Под термином «гомофункциональный знак» [в отличие от термина «гетерофункциональный (гетерокатегориальный) знак»] Ф. Микуш понимает знаки, которые выполняют одинаковые специализированные функции. Такими гомофункциональными знаками являются, например, лат. *Pluit! Latrat! Albus! Canis! Saltat!* При помощи таких монорем синтетически можно одновременно выразить различные отношения (пространственные, временные, качественные и т. д.). Если моноремы располагаются в речи по какому-либо общему принципу, например, если они обозначают определенную ситуацию, или если они относятся к какому-то одному предмету или явлению, то мы говорим уже не об их соположении (*juxtaposition*), а о координации. Ср. лат. *Latrat! Canis! Saltat!* Взаимодействие двух самостоятельных монорем, принадлежащих к функционально дополняющим друг друга категориям, ведет, по Ф. Микушу, к образованию диремы (синтагмы).

Ниже следует приводимая Ф. Микушем (см. F. Mikus, *Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?*, стр. 436—438) схема превращения отдельных гомофункциональных знаков, связанных путем координации, в синтагмы, и схема функций, выполняемых этими членами:

<i>Canis!</i>	—	<i>Latrat</i>	<i>Canis latrat!</i>
пространство*		пространство→О	пространственно-
время*→О**		время	временное
качество*→О		качество→О	отношение

*Отношения, выражаемые моноремой. **Сведено к нулю. Прим. переводчика.

являющихся друг друга взаимосвязанных и (функционально и генетически) взаимообусловленных элемента.

В чем же состоят две функции, о которых идет речь? Согласно недавно предложенному мной определению¹, любой лингвистический знак понимается как фоно-акустическая «ценность», обладающая известной значимостью. Благодаря этому лингвистический знак является прежде всего отождествляющим, так как он выполняет функцию отождествления (О). Однако, если принять во внимание то обстоятельство, что нет отождествления без различения (Р) (диалектическое единство О и Р), становится понятным, что знак одновременно и отличает данную значимость от других значимостей. Так, основанный на восприятии цветов знак *rouge* «красный» указывает на определенный цвет благодаря тому, что он в то же время ограничивает его от других цветов. Следовательно, этот знак является отождествляюще-различающей «ценностью», которая имеет значимость «красный цвет» или «качество быть красным».

Синтагма также является отождествляюще-различающей «ценностью», имеющей целостную значимость. Но поскольку синтагма является сложным образованием, функции отождествления и различения распределяются между двумя ее частями; при этом одна из них выполняет по отношению к другой только функцию отождествления (ФО), а вторая — функцию различения (ФР), в результате чего получается целостная значимость обеих частей (т. е. всей синтагмы). Ср., например:

Прогрессивная последовательность		Превосходящая последовательность	
ФО	ФР	ФР	ФО
<i>robe</i>	<i>rouge</i>	<i>красная</i>	<i>армия</i>
<i>Pierre</i>	<i>dort</i>	<i>poir-</i>	} <i>-ier</i>
<i>sans</i>	<i>argent</i>	<i>pomm-</i>	
<i>nous sortirons</i>	<i>s'il fait beau</i>	<i>prun-</i>	
<i>moulin</i>	<i>à vent</i> и т. д.	<i>s'il fait beau</i>	<i>nous sortirons</i>
		<i>Wind</i>	<i>-mühle</i> и т. д.

Здесь мы имеем дело с функционализмом, имманентным для составного знака (синтагмы). Повторяем, этот функционализм основывается на общей функции языка и знака и состоит в следующем.

Любой лингвистический знак обладает семиологической функцией (т. е. функцией отождествлять и различать значимости). Это общая, бихевиоральная («поведенческая») или внешняя функция знака. В противоположность простому знаку, знак-синтагма обладает также внутренними присущими ему функциями. Эти внутренние функции знака-синтагмы образуются (одна по отношению к другой) благодаря разделению семиологической функции (ФО + ФР) между двумя членами синтагмы, один из которых осуществляет (по отношению к другому) только функцию отождествления, а другой — только функцию различения. Именно это внутреннее разделение функций определяет структуру синтагмы, равно как и соотношение, связывающее оба ее члена. При таком понимании лингвистического структурализма он представляется совсем несамостоятельным, так как является лишь другой стороной языкового (синтагматического) функционализма, который определяет как структуру составного знака, так и соотношение его элементов. Что касается дальнейших подробностей — отсылаю к моим работам и особенно к подготавливаемому мною «*Principia syntagmaticae de unitate orationis structurae tractanda*».

¹ В статье «En marge du Sixième Congrès international des linguistes», — сб. «*Mélanges Martinet*», La Laguna (в печати).

2. Опыты структурального изучения языка восходят к глубокой древности. Любая школа или направление в лингвистике в той или иной мере содержит элементы структурализма и может вплотную приблизиться к синтагматическому структурализму (это относится, например, к «синтаксическому разложению»)¹ или к методу «непосредственно составляющих». Однако ни одна лингвистическая школа, которая не определила типическую структуру языка, не может считаться полностью структуральной. Такая школа будет поглощена и преодолена той теорией, которой удалось обнаружить эту структуру и изучить законы ее проявления в языке и речи в синхронном и диахронном планах. То же можно сказать и о классической грамматике (см. ниже).

В самом деле, синтагматическая теория не считает ошибочным ни одно из направлений лингвистического структурализма, а лишь признает их примитивными. Она предвидит превращение этих направлений в синтагматический структурализм (по этому вопросу см. мои работы о Сепире и Розвадовском).

3. Как только человек начал размышлять над языком, он различил в нем лингвистические структуры, которые вначале определялись весьма примитивно и эмпирически. Вскоре, однако, выяснилась комбинаторная природа речи, а также и то, что язык состоит из автоматизированных знаков, называемых словами и способных образовывать в свою очередь неустойчивые структуры, главная из которых именуется ф р а з о й. Стержень «с л о в о — ф р а з а» послужил основой для построения структурной и функциональной системы классической грамматики. Согласно этой грамматике, слово не поддается никакому дальнейшему анализу, а фраза — это внутренне уравновешенная, законченная, самостоятельная структура, которая может функционировать в качестве единицы языкового общения. Следовательно, элементы синтагматического структурализма обнаруживаются в любой школе, направлении, теории, каждая из которых может быть «превращена» в синтагматический структурализм, так как они не ошибочны, а лишь характеризуются примитивным эмпиризмом.

4. Пока на основе синтагматической теории не будут разработаны универсальные синтагматические категории, единое и исчерпывающее описание языков невозможно.

Так как синтагматика является основной частью теории речи, изучение других сторон речевой деятельности и отдельных языков должно подчиняться ей: ассоциативная система полностью определяется синтагматическими специализированными (частными) функциями, а изучение лексики может проводиться лишь одновременно с изучением синтагмы. Естественно, что такое изучение лексики требует, как это предвидел Блумфилд, поддержки со стороны всех других наук, выступающих в качестве вспомогательных для лингвистов. В области фонетики синтагматика должна создать новое учение, более приспособленное к потребностям этой теории. Это фонетическое учение, как и синтагматика, должно исходить из аксиомы линейности языка: если означающее, как утверждает де Соссюр, имеет линейный характер (что сообщает линейность как языку в целом, так и его частным проявлениям), то эта линейность должна быть основана на линейных фонетических единицах, как бы бесконечно малы они ни были. В противоположность классической фонетике, основанной на изучении количества, синтагматическая теория предусматривает фонетику, построенную на изучении фонетических квант (quanta).

¹ См. K. T o g e b y, *Structure immanente de la langue française*, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», vol. VI, 1951, стр. 92 и сл.

5. В более или менее отдаленном будущем синтагматическая теория предусматривает проведение изоморфных описаний всех языков мира. Это и является конкретной целью синтагматики. Синтагматические структурные описания должны заменить современные «грамматики». Эти описания будут проводиться на основе единой схемы, разработанной в результате определения универсальных синтагматических типов.

6. О соотношении фонетики с синтагматической теорией см. выше. Однако это соотношение в дальнейшем должно быть изучено еще более тщательно.

7. В соответствии с положениями де Соссюра¹ синтагматическая теория не видит принципиальной разницы между синтаксической, морфологической и лексической структурой. Согласно синтагматической теории (это будет показано в моих «Principia»), следует проводить непрерывный двучленный анализ (синтагматическое разложение), пока материал не будет исчерпан, т. е. вплоть до выявления минимального знака (знака, не поддающегося дальнейшему разложению, кроме фонологического). Синтагматический анализ равномерно движется от этого знака («монемы, абсолютного формального минимума») к дикто-модальной синтагме, занимающей высшее место в иерархии². Анализ начинается с дискурсивных синтагм и переходит к синтагмам полуавтоматизированным («падежные формы», «глагольные формы» и т. п.) и автоматизированным («сложные слова», «производные слова»). Анализ завершается, когда в исходе получаются единицы, определенные выше как формальный минимум. Весь этот процесс основан на моем принципе диалектического сцепления меньших структур в большие, причем каждая из этих структур является синтагмой. Между синтагмами не может быть других отличий, кроме морфологических (см. ниже) и функциональных, так как разные типы синтагм выполняют неодинаковые синтагматические (специализированные) функции в первой следующей синтагме высшего порядка. Понятно также, что различия между синтагмами носят еще и семиологический характер. Однако, как учит синтагматическая теория, значимости всецело подчиняются функциям.

С другой стороны, в синтагматике говорится о морфологии и синтагмы. При этом указанный термин имеет здесь то же значение, что в биологии или петрографии. Морфология синтагмы занимается структурой, формой и размером последней, а также степенью ее автоматизированности, сложности и т. д. Классический «синтаксис» полностью растворяется в синтагматике, а классическая «морфология» растворяется частично в синтагматике (полуавтоматизированные синтагмы) и частично в теории ассоциаций. Классическая лексикология поглощается синтагматикой в отношении сложных знаков и теорией ассоциаций — в отношении простых. Если принять во внимание тот факт, что теория ассоциаций совершенно несамостоятельна (так как автоматизированный знак определяется функцией, которую он выполняет в синтагме; см. § 4), становится ясным, что нет такой области в лингвистике, которая была бы автономна, так как все эти области тесно связаны с синтагматикой.

¹ См. F. de Saussure, Cours de linguistique générale, 2-me éd., Paris, 1922, стр. 187.

² Как известно, деление синтагмы на «диктум» и «модус» встречается у Ш. Балли. Под «диктумом» он понимал член синтагмы, выражающий представление о чем-либо, воспринятом чувствами, памятью или воображением. Модус, по Ш. Балли, выражает психическую операцию, производимую над этим представлением мыслящим субъектом (см. Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, перевод с франц., М., 1955, стр. 44—48, 56 и сл.; ср. также F. Mikuš, Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?, стр. 446, 462—463). — Прим. переводчика.

С точки зрения этой теории система классической грамматики считается полностью упраздненной, сведенной к нулю, поглощенной системой, учитывающей реальные факты, ранее оставшиеся незамеченными.

8. Согласно синтагматике, соотношение между «морфологическими» и «синтаксическими» (и «лексическими») категориями уступает место межсинтагматическим соотношениям. Согласно моему принципу сцепления, синтагма *clara mente* выполняет различительную функцию в синтагме *exponere clara mente* «излагать ясно», а последняя выполняет отождествляющую функцию в *exponere clara mente principium scientiae sit* «пусть ясное изложение будет принципом науки» и т. д. В этом диалектическом переплетении функция — все, форма — ничто. Структура же занимает промежуточное положение. Лингвист, который занимался бы только структурой, остановился бы на полпути. Тот же, кто захотел бы заниматься только формой, был бы подобен ребенку, который, будучи под впечатлением цвета и формы цветов, вздумал бы классифицировать их на основе критерия «цвет и форма». В этом случае нельзя было бы постичь тайны клеток, функциональные и структурные особенности живого существа. Правда, «чистый» функционализм не может существовать, так как, кроме функций, всякий знак обладает еще формой и структурой. Однако ввиду того, что последние определяются функциями, они должны им подчиняться, а изучение формы и структуры должно в свою очередь подчиняться изучению функций.

О соотношении между синтагмой и теорией «непосредственных составляющих» см. § 2. Представители этой теории не установили наличия в языке единой типической структуры, хотя им и было «горячо»¹. Кроме того, указанной теории не удалось определить координацию; в этом отношении она отстала от взглядов Ш. Балли, который признает, что координация никогда не сможет иметь такое же значение, как синтагматика².

Противопоставление «потенциальное» — «актуализованное» определяется расчленением речевой деятельности на язык и речь. То, что принадлежит языку, является потенциальным, а то, что принадлежит речи, — актуализованным. В моих «Principia» я посвящаю специальную главу этому противопоставлению. При этом я исхожу из того, что «потенциализация» является историческим процессом, результатами которого (в виде актуализации) мы пользуемся в настоящее время. Оба процесса осуществляются в соответствии с принципами синтагматики³.

9. Рациональная теория никогда не отказывается воспользоваться дедукцией как средством для проникновения в области, не поддающиеся изучению при помощи индукции. Поэтому синтагматическая теория выдвигает свою гипотезу о происхождении языка, исходя из убеждения, что взаимные синхронные зависимости обусловлены взаимными генетическими связями. Абсурдно утверждать, что с генетической точки зрения имя предшествует глаголу (или наоборот), так как оба являются полюсами функционального противопоставления, которое присуще предмету изучения и именуется «диктальной синтагмой» («фразой»). См. также § 10.

10. В течение трех четвертей века историческая лингвистика пользуется методами, называемыми в настоящее время синтагматическими: она занималась поисками внутренних противоречий слов; ср. *enfant/faguls*. Однако лингвистике не удалось выявить общий синтагматический

¹ Термин взят из детской игры.

² См. Ш. Балли, указ. соч., § 155 (стр. 115—116).

³ См. F. Mikus, *Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?*, стр. 446 и сл. Ф. Микус считает, что теория актуализации Ш. Балли (см. Ш. Балли, указ. соч., стр. 87—113) нуждается в пересмотре. — Прим. переводчика.

принцип, определяющий образование как слов, так и дискурсивных синтагм.

11. После определения категорий синтагм и описания минимальных знаков «синтагматика» сможет разработать идеальную лингвистическую систему, в которой, в соответствии с принципом диалектического сцепления (см. выше), минимальные знаки будут представлены с максимальной и оптимальной линейностью. Эта система явится рабочим инструментом *par excellence* для компаративистов и типологистов, которые при помощи ее смогут измерить степень линейной (= синтагматической, логической) выраженности любого факта, обнаруженного в языковой действительности. Указанная система будет иметь для лингвистики такое же значение, какое периодическая система Менделеева имеет для физики, химии и атомной теории. Для одной и той же заранее установленной значимости синтагматика должна найти соответствующие знаки в различных языках и сравнить их с точки зрения структуры и заключенных в них семиологических возможностей. При этом в качестве идеальных следует выбирать те знаки, которые передают данную значимость с наибольшей аналитичностью (= логичностью, синтагматичностью). Ввиду невозможности сразу полностью создать эту систему лингвистика может временно воспользоваться частичными микросистемами. Так, например, франц. *le père* представляет в форме синтагмы то, что русск. *отец* выражает в виде простого знака. Ясно, что *отец* по сравнению с французским гомотаксическим и гомотаксическим знаком является противотаксическим (дистаксическим), синтетическим и что *le père* приближается к идеальной системе; *отец* же здесь представляет собой скрытую синтагму. Постепенно, благодаря огромному терпению, можно будет полностью создать идеальную систему.

12. Хотя, пользуясь синтагматикой, можно вычислить количество синтагм, содержащихся в синтагме высшего порядка [по алгебраической формуле $N = (n - 1)$, где n обозначает количество минимальных формальных единиц], еще слишком рано говорить об использовании математических методов в лингвистике. Эти методы применимы только к «чистым» количествам (= количествам, лишенным семиологических значимостей), которые редко встречаются в повседневной речи. С другой стороны, на основе синтагматики можно показать, что алгебраические действия представляют собой не что иное, как «сублимированные» синтагматические операции, которые можно использовать для выражения «чистых» количеств и их отношений. Задумывались ли когда-либо люди над происхождением алгебраических действий? Язык и синтагматика, очевидно, существовали еще до появления алгебры. Однако этот вопрос выходит за рамки тех, которые сформулированы редакцией «Вопросов языкознания».

Как уже говорилось, подробности изложенной теории содержатся в моих работах, особенно в подготавливаемых в настоящее время «Principia». Указанная работа задумана как основа «Принципов синтагматики», которые я хотел бы выпустить в качестве стандартного руководства по синтагматической теории.

В этой первой своей статье (я думаю, что она не будет последней по ходу дискуссии) я хочу обратить внимание на тот факт, что существует направление в структурализме, при помощи которого, по моему мнению, можно лучше, чем на основе других, понять реальные факты языка. Это объясняется тем, что принципы синтагматики более определенны, чем установки других направлений лингвистики. При этом данная теория основывается на совершенно четком понятии лингвистической функции и структуры, которые до сих пор представлялись очень неясными.

Перевел с французского М. М. Маковский